

Научно-исследовательская статья

УДК 101.9

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.48.4.1

СОЦИАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ: СМЕНА ПАРАДИГМ

Мамедова Н. М.

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
Москва, Россия,

mamedova.nm@rea.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7887-8724>

Аннотация. В статье проанализирован эвристический потенциал различных парадигм современного онтологического дискурса. Многогранность дискурса отражает сложность и гетерогенность социального в различных модусах его бытия: экзистенциального, системного, сетевого. Философия экзистенциализма создала методологию исследования уникального человеческого существования, наиболее адекватный язык его описания, ввела в философский дискурс новую онтологическую реальность — экзистенцию личности. Коммуникативная онтология, в которой коммуникация не только отражает и передает информацию, но и активно создает и конструирует реальность, возникла как междисциплинарный проект исследований в области философии, социологии, политологии, теории коммуникации. Радикальный поворот в социальной онтологии связан с перестройкой социальной теории на основе систем (Н. Луман) и сетей (Б. Латур), в которой отразилось характерное для постнеклассики сближение естественно-научной и социогуманитарной программ исследования. В статье подчеркивается, что проблема современной онтологической рефлексии — согласование этих парадигм. Проблема состоит в объединении, конвергенции этих подходов. На какой основе возможен транспарадигмальный синтез в социальной онтологии? Автор полагает, что парадигма сложности является релевантной основой для объединения различных социальных онтологий.

Ключевые слова: онтологический дискурс, экзистенциализм, коммуникативная парадигма, система, сети, симметричная онтология

Для цитирования: Мамедова Н. М. Социальная онтология: смена парадигм // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 4 (48). С. 6–16. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.48.4.1

© Мамедова Н. М., 2023

Scientific research article

UDC 101.9

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.48.4.1

**SOCIAL ONTOLOGY:
A PARADIGM CHANGE****Natalia M. Mamedova**

Plekhanov Russian University of Economics,

Moscow, Russia,

mamedova.nm@rea.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7887-8724>

Abstract. The article analyzes the heuristic potential of various paradigms of modern ontological discourse. The versatility of discourse reflects the complexity and heterogeneity of the social in various modes of its being: existential, systemic, network. The philosophy of existentialism has created a methodology for studying the unique human existence, the most adequate language for its description, introduced a new ontological reality into the philosophical discourse — the existence of a person. Communicative ontology, in which communication not only reflects and transmits information, but also actively creates and constructs reality, emerged as an interdisciplinary research project in the fields of philosophy, sociology, political science, and communication theory. A radical turn in social ontology is associated with the restructuring of social theory based on systems (N. Luhmann) and networks (B. Latour), which reflected the convergence of natural science and socio-humanitarian research programs characteristic of post-nonclassical studies. The article emphasizes that the problem of modern ontological reflection is the coordination of these paradigms. The problem lies in the unification and convergence of these approaches. On what basis is transparadigm synthesis possible in social ontology? The author believes that the complexity paradigm is a relevant basis for combining various social ontologies.

Keywords: ontological discourse, existentialism, communicative paradigm, system, networks, symmetrical ontology

For citation: Mamedova, N. M. (2023). Social ontology: a paradigm change. *MCU Journal of Philosophical sciences*, 4 (48), 6–16. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.48.4.1>

Введение

Современная социокультурная ситуация, определяемая действием разнонаправленных тенденций, в фокусе которых находятся процессы цифровизации, актуализирует проблемы социальной онтологии. Потребность осмысления сущности новой социальности связана с глубинными процессами трансформации всех подсистем общества под влиянием информационно-коммуникативных технологий [Мамедова, 2019]. Возникшая в результате виртуальная реальность образует особое пространство, которое изменяет социальное бытие. Эти изменения настолько фундаментальны, что можно говорить о становлении новой социальности — гетерогенной, вариативной,

которая не вписывается в образ мира в классической философской парадигме. Эта парадигма складывалась в эпоху Просвещения и предполагала линейное видение исторической перспективы. Рационалистическая телеология Просвещения идеалы просветительства полагала целями исторического процесса. Логоцентрический дискурс модерна не подходит для описания современной социальности [Мамедова, 2021]. Неслучайно онтологическая проблема оказывается в центре современного философского дискурса. Большинство авторов отрицает возможность и необходимость в онтологии классического типа, основанной на признании абсолютных первоначал социального бытия. Так, А. В. Барковская в статье с характерным названием «Парадигмальный статус онтологии в контексте “смерти метафизики”» пишет: «В современной философии сдвиг онтологической проблематики осуществляется в сторону попсибилизма и потенциирования, что расширяет пространство онтологии за счет актуализации массы специфических объектов, но как предметностей региональных (дисциплинарных) онтологий» [Барковская, 2019, с. 149]. В. М. Розин, также отмечая тенденцию возникновения множества социальных теорий, «отражающих разнообразие социальной жизни», ставит проблему согласования этих теорий. Предлагается в качестве одного из «планов решения этой проблемы — построение *предельной онтологии социальных наук*. Ее можно помыслить и онтологически, но лучше как методологию, обеспечивающую связь и переходы от одних частных онтологий социальных наук к другим» [Розин, 2020, с. 24–25]. Другой ракурс обсуждения онтологической проблемы связан с возникновением так называемой симметричной онтологии [Латур, 2006, 2017; Павлов, 2019; Писарев, 2020], который отражает тенденцию включения в онтологию нечеловеческих акторов как равноправных компонентов. Постнеклассический этап в развитии философии характеризуется возникновением разнообразных онтологий, которые отражают попытки осмыслить «ускользающую социальность».

Постановка проблемы

Многообразие парадигм социальной онтологии актуализирует проблему их согласования, конвергенции. На какой основе возможен транспарадигмальный синтез в социальной онтологии? Другой аспект проблемы транспарадигмального синтеза, позволяющий соединить особенности отражения многомерности социальности в разных системах координат в условиях постнеклассической науки, связан с проникновением методов естествознания в контекст социальных исследований.

Цель исследования в данной статье — проанализировать эвристический потенциал разнообразных социальных парадигм (экзистенциальной, коммуникативной, системной, сетевой) для осмысления онтологических и экзистенциальных проблем современной и будущей цивилизации. Выявить основания транспарадигмального синтеза социальной онтологии.

Предметом исследования являются экзистенциальная, коммуникативная, системная и сетевая парадигмы современного онтологического дискурса.

Методология исследования основана на концептуальном и компаративном анализе различных онтологических подходов. Принципы дополнительно и методологического плюрализма применяются для выявления оснований транспарадигмального синтеза в социальной онтологии.

Результаты исследования

Экзистенциальная философия представляет яркое проявление «постметафизического мышления» (термин введен Ю. Хабермасом). В экзистенциальной онтологии человеческого существования она становится основой для постановки проблемы бытия, представляющего сферу разворачивания человеческой жизни. Аналитика бытия присутствия (Dasein) у Хайдеггера представляет фундаментальную основу онтологии. «Это сущее, которое мы сами всегда суть и которое среди прочего обладает бытийной возможностью спрашивания, терминологически схватываем как присутствие» [Хайдеггер, 2011, с. 364]. Привилегированное сущее — бытие присутствия, человеческая жизнь — способно проявлять сокрытое, имеющее смысл для человека, в котором обнаруживается подлинное бытие. Сущность человека определяется не деятельностью, не сознанием и созерцанием, а присутствием в мире. «Таким образом, аналитика Dasein не имеет ничего общего с солипсизмом или субъективизмом <...> преодолевая идею человеческого существа как субъективности сознания» [Хайдеггер, 1992, с. 84]. «Открытость» является конститутивной особенностью человеческого существования, которая определяется как самоопределение и преодоление «заброшенности» в мире, а не эссенциалистски — как данность. Бытие не сводится к субъекту или объекту, а рассматривается как взаимодействие человека с миром — «бытие-в-мире», проявляется у Хайдеггера через феноменологический анализ экзистенциалов — априорных индикаторов экзистенции. Бытие — это процесс пребывания в мире, в котором человек раскрывается и обнаруживает смысл существования. Сущность бытия в его временности и действительности.

Вопросы существования (бытия) у Ж.-П. Сартра рассматриваются в горизонте «ничто» [Сартр, 2015], перед которым находится бытие человека, перед тем, что отсутствует или не существует. Но именно в этом «ничто» человек обретает свободу как выбор в отсутствии предопределенности. В онтологии существования Сартра «ничто» — это пространство субъективной свободы, выбора самого себя, своего жизненного проекта. «Человек, прежде всего, существует, сталкивается с самим собой, обнаруживается в мире — и определяет себя впоследствии» [Сартр, 1990, с. 320–321].

Онтологизация существования и различение подлинного и неподлинного как модусов бытия — основа экзистенциальной концепции общества. Для такого

подхода характерно отсутствие противопоставления субъекта и объекта. Философия экзистенциализма создала методологию исследования уникального человеческого существования, наиболее адекватный язык его описания, ввела в философский дискурс новую онтологическую реальность — экзистенцию личности. Экзистенциалистский онтологический проект, элиминирующий социологические априорности (Г. Зиммель), является неотъемлемым компонентом философского дискурса.

Наряду с экзистенциальной онтологией значительная роль в онтологическом дискурсе современности принадлежит коммуникативной онтологии, в которой коммуникация не только отражает и передает информацию, но и активно создает и конструирует реальность. Коммуникативная онтология возникла как транспарадигмальный проект исследований в области философии, социологии, политологии, теории коммуникации. Так, Ханна Арендт [Арендт, 2000] рассматривала коммуникацию в контексте политики, полагая, что она не только передает информацию, но и формирует общественные взаимодействия и политический порядок. Мишель Фуко рассматривал связь коммуникации, власти и контроля над реальностью [Фуко, 2004]. Он анализировал, каким образом конструкции знания и языка формируют властные отношения и воздействуют на понимание мира. «Археологические» и «генеалогические» исследования М. Фуко легли в основу анализа социальной реальности с точки зрения власти дискурса, властных отношений. Онтологические проблемы представлены в контексте феноменов институционализации власти-знания. Коммуникативная онтология Юргена Хабермаса отражена в теории коммуникативного действия [Хабермас, 2006]. Он акцентирует значение коммуникации для формирования общественной реальности и достижения социального консенсуса как результат продуктивного дискурса. Межличностное общение предстает средством создания общих норм и ценностей. Коммуникация обладает проективно-конструктивным потенциалом в отношении социальной реальности. Логико-прагматическая аргументация становится средством достижения социального консенсуса, взаимной координации действий, регулируемых нормами этики дискурса.

Никлас Луман внес значительный вклад в развитие системной парадигмы коммуникации и социальности в целом. Для объяснения природы общества он использовал потенциал кибернетики, теории систем, теории эволюции и теории коммуникации. Ведущий теоретик постмодернистской социальной теории отрицает все предшествующие модели описания общества, которые, как он полагал, занимались «метафизическими» вопросами эволюции и прогресса. Отрицая центральное понятие социальной философии «общество» как расплывчатое и неопределенное, он выстраивает свою концепцию на основе принципа системности. При этом Луман расширительно интерпретирует понятие «система», полагая, что «общая теория социальных систем претендует на охват всей предметной области социологии и в этом смысле подходит на роль универсальной социологической теории» [Луман, 2007, с. 40].

Под системой Луман понимает то, что способно отделять себя от внешней среды и воспроизводить эту границу. Истолкование общества как абсолютно объективного феномена, независимого от сознания и деятельности людей, препятствует пониманию сущности социального общения, без которого невозможно само существование общества. Поэтому в концепции Лумана система коммуникации выступает фундаментом общества, определяя социальное взаимодействие; она таким образом конструирует социальность. Коммуникация — система, которая оперирует символами и информацией для создания смысла и реализации социального порядка. Она не отражает объективную реальность, а создает свою собственную реальность через согласованное взаимодействие участников. Следующим шагом в переосмыслении социальной онтологии Луманом было введение понятия самореферентной системы. Самореферентное, т. е. предполагающее включение себя в объект наблюдения. А это значит, что «систему можно назвать самореферентной, если элементы, из которых она состоит, она сама конструирует как функциональные единства и во всех отношениях между этими элементами обеспечивает ссылку на это самоконструирование, таким образом, непрерывно воспроизводя его» [Луман, 1994, с. 32, 65]. С этой точки зрения коммуникация предстает как самореферентный процесс, структурирующий социальность. Другой важный аспект трансформации теории социальности, осуществленный Н. Луманом, является введение понятия «автопоэзис». Автопоэтическая система, в понимании Лумана, — это система, которая отделяет себя от внешней среды, «определяет единство и число элементов, из которых она состоит», самоорганизуется, конструирует свое функциональное единство и осуществляет самоорганизацию. Общество как автопоэтическая система самостоятельно делает выбор из сконструированного ею же информационного пространства и таким образом осуществляет коммуникацию между различными ее элементами. В результате «на базе основного события коммуникации и с помощью ее оперативных средств социальная система конституируется как система действий» [Луман, 2007, с. 227]. Коммуникация и системность образуют ядро постмодернистской онтологии, предложенной Н. Луманом. В общем, коммуникативная онтология является результатом множества исследований и теорий, которые создают теоретико-методологическую основу анализа социальности в условиях распространения информационно-коммуникативных технологий. Важно отметить, что этот подход открывает новые возможности и перспективы в понимании социальности.

Другая попытка осмыслить социальность, при этом элиминируя классические оппозиции онтологического дискурса как атавизм субстанциализма и антропоцентризма, представлена в акторно-сетевой (АСТ) теории Бруно Латура. Она отражает идею равнозначности всех сущностей и явлений в мире, отсутствие феноменальной иерархии. В основе перестройки социальной онтологии в этой теории, как и отражено в названии, два базовых понятия: сеть и актор. Понятие «сеть» включает социальные сети, но они не имеют «никаких

привилегий». Сеть — это нити (наподобие ризомы Делеза), узлы, которые имеют столько же измерений, сколько у них соединений. Это понятие вводится Латуром для объяснения тех же социальных эффектов, которые в традиционной социологии описывают понятия «уровни», «слои», «сферы», «территории», «системы» и т. п., но имеют совершенно другую онтологию. Добавление к сети нового «онтологического ингредиента» — актора позволяет осуществить «сборку» социального, подобно «философиям, в которых порядок появляется из хаоса или беспорядка (Мишель Серр, Илья Пригожин и Изабелла Стенгерс)» [Латур, 2017, с. 174]. Актор — это не человек, самость традиционной социальной теории. Понятие «актор» включает человеческие и нечеловеческие сущности, т. е. это люди и не-люди. Причем акторы «понимаются не как фиксированные сущности, а как потоки, циркулирующие объекты, разворачивающиеся испытания» [Латур, 2017, с. 184]. Гибрид «актор-сеть», как полагает Латур, позволяет избавиться от «тирании» традиционных пространственных оппозиций: далекое – близкое, верх – низ, глобальное – локальное, — которые Латур называет аксиологическими мифами. «Вместо противопоставления индивидуального уровня массе или агентности — структуре мы просто прослеживаем, как данный элемент становится стратегическим благодаря количеству связей, которыми он управляет, и как он теряет важность, теряя эти связи. Понятие сети позволяет нам избавиться от третьей пространственной размерности — внутри/снаружи (после первых двух — далеко/близко и крупномасштабное/мелкомасштабное)» [Латур, 2017, с. 180].

Для прояснения процессов ассоциаций, «сборки» гетерогенных элементов в социальность АСТ использует инструментарий семиотики. Слабость семиотики усматривается в этом контексте как исследование только текстов, тогда как семиотика вещей распространяется на природу, технообъекты, элиминирует проблему значения и тем самым превращается в метод исследования путей конструирования социальности. «В практике АСТ область семиотики была расширена, чтобы задать совершенно пустую рамку, которая позволила следовать любым сборкам гетерогенных элементов — природных, социальных, индивидуальных, вещных... Это метод для описания развертывания ассоциаций, подобно тому как семиотика — метод описания траектории производства любого нарратива» [Латур, 2017, с. 185]. Тем самым ликвидируется различие между репрезентациями и вещами, что устраняет проблему корреляции сознания и объекта и расценивается Латуром как контркоперниковский переворот.

Латур создает симметричную онтологию, в которой все сущности (человек, природа, вещи, артефакты, животные) имеют одинаковый онтологический статус, отвергающий априорные редукции к какому-то первоначалу — природному, социальному, дискурсивному, и являются равноценными участниками социального взаимодействия. Интеллектуальные претензии АСТ приводят к отказу от бинарных оппозиций научного и философского дискурса: топологических, причина – следствие, природа – культура и т. п. Основным становится предельно общее понятие «актор», которое само по себе лишено содержания

и обретает его лишь во взаимодействии в сети с другими, такими же бессодержательными акторами. Это реляционная онтология отношений, в которой актер представлен не как устойчивая, а как становящаяся сущность по мере циркуляции в сети. Сетевые транзакции конструируют актора, отношение предшествует сущности.

Сетевое мышление АСТ предполагает использование специфических методологических и эпистемологических стратегий. Оно отказывается от любых априорных предпосылок, антиномии описания и объяснения, различения эмпирического и теоретического подходов. «Само разделение между описанием и объяснением (“как?” и “почему?”), слепым эмпиризмом и теоретизированием так же бессмысленно для АСТ, как различие между гравитацией и пространством — для теории относительности» [Латур, 2017, с. 188].

В современном интеллектуальном пространстве АСТ как неординарная философская концепция вызывает множество дискуссий и амбивалентных оценок. Например, С. С. Астахов полагает, что «сама постановка проблем выдвигает АСТ на передний край философии и эпистемологии науки». Она становится экспериментальным полем «для тестирования самых актуальных гипотез в современных социо-гуманитарных дисциплинах» [Астахов, 2017, с. 20]. Писарев же критикует АСТ, прежде всего, за отрицание редукции как базовой научной процедуры, за противостояние «как внутринаучным редуцирующим подходам, так и общему историческому режиму, легитимирующему и эти подходы, и в целом модернистское мировоззрение и практики через модернистские оппозиции» [Писарев, 2020, с. 147]. Он полагает, что наделение социального и природного одинаковым онтологическим статусом действующих равноправных агентов противоречит и здравому смыслу «значительной части населения планеты», и «здравому смыслу социальных наук» [Писарев, 2020, с. 149].

Таким образом, в современной социальной онтологии возникли разнообразные, порой дивергентные, направления исследования социальной реальности, которые отражают как субъективную, так и объективную составляющую бытия социума, и которые могут существовать в онтологическом дискурсе по принципу дополнительности. Все рассмотренные парадигмы отражают переход от логики метафизики к логике постметафизики. Проблема состоит в объединении, конвергенции этих подходов. В проекте, поддержанном грантом РФФИ¹, была выявлена фундаментальная роль социальной антропологии как основы транспарадигмального синтеза в антропологическом дискурсе. На какой основе возможно объединение парадигм в социальной онтологии? Ученые из Института философии РАН, считают, что конвергенция системного и сетевого подходов, в частности, возможна в парадигме «сложностного мышления», и это «создаст новые возможности самосогласованного конструктивного осмысления» [Сложность..., 2018, с. 36]

¹ Социальная антропология: интеграция наук». Проект РФФИ № 17-01-2039. Руководитель — Н. М. Мамедова.

проблемы НБИКС-конвергенции². Представляется, что в парадигме сложности можно также объединить различные социальные онтологии, что приведет к их синергичному взаимодействию, образует пространство смыслового обмена, создаст эвристику осмысления гетерогенной социальности.

Заключение

Подводя итоги, следует подчеркнуть плодотворность мультипарадигмального подхода к проблемам социальной онтологии в эпоху инновационных технологий. Анализ литературы свидетельствует о том, что методология социальной философии дополняется различными методами и практиками, которые активно применяются для изучения в естественно-научных исследованиях. Транспарадигмальный синтез различных социальных онтологий возможен на основе парадигмы сложности как далее нередуцируемой целостности. Синтез подходов позволяет выявить горизонт смыслов и проблематичности современной социальности.

Список источников

1. Мамедова Н. М. Информационное общество: трансгрессия социальности // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2019. № 1 (29). С. 9–14. DOI: 10.25688/2078-9238.2019.29.1.01. EDN PCKUAN.
2. Мамедова Н. М. Трансгрессия как способ бытия социальности // Личность в условиях глобальных социокультурных трансформаций цифрового информационного общества: сб. ст. по итогам Междунар. науч. конференции, Москва, 02 декабря 2020 года. М.: Русайнс, 2021. С. 7–10. EDN GQTOLR.
3. Барковская А. В. Парадигмальный статус онтологии в контексте «смерти метафизики» // Философия и социальные науки в современном мире: материалы Междунар. науч. конференции к 30-летию факультета философии и социальных наук Белорусского государственного ун-та, Минск, 26–27 сентября 2019 года. Минск: Белорусский гос. ун-т, 2019. С. 144–150. EDN WCGYXF.
4. Розин В. М. Как можно помыслить социальную науку, социальную реальность и онтологию [Электронный ресурс] // Культура и искусство. 2020. № 1. С. 17–26. DOI: 10.7256/2454-0625.2020.1.32042; URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32042
5. Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями // Логос. 2017. № 1. С. 173–200.
6. Павлов А. В. Постгуманизм: преодоление и наследие постмодернизма // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 27–36.
7. Писарев А. А. Сети, Плоскости, Материя: об употреблении плоских социальных онтологий // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 1 (51). С. 144–157.
8. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академ. Проект, 2011. 503 с.

² НБИКС-конвергенция — это конвергентное развитие нанотехнологий, биотехнологий, информационных, когнитивных и социогуманитарных технологий.

9. Хайдеггер М. Цолликонеровские семинары // Логос. 1992. № 3. С. 84.
10. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: АСТ, 2015. 199 с.
11. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1990. С. 319–344.
12. Арендт Х. *Vita active*, или о деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
13. Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная академия; Университетская книга, 2004. 416 с.
14. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2006. URL: https://vk.com/wall-35831937_6958
15. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 643 с. URL: http://yanko.lib.ru/books/sociology/luman-soc%2Bsis_ocherk-2007-1984-a.htm
16. Аршинов В. И., Буданов В. Г. Парадигма сложности и социогуманитарные проекции конвергентных технологий // Вопросы философии. 2016. № 1. С. 59–70. EDN VSASIT.
17. Астахов С. С. Проблема контингентности в акторно-сетевой теории: специальность 09.00.01 «Онтология и теория познания»: дис. ... канд. филос. наук. М., 2017. 176 с. EDN ZTDRYL.
18. Сложность и проблема единства знания / В. Г. Буданов [и др.]. Т. 1. Вып. 1. М.: Российская академия наук, 2018. 105 с. ISBN 978-5-9540-0346-8. EDN YLBWDK.144–157. EDN DCYRRX.2014.

References

1. Mamedova, N. M. (2019). Information society: transgression of sociality. *Bulletin of Moscow State Pedagogical University, Series: Philosophical Sciences, 1* (29), 9–14. (In Russian). <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2019.29.1.01>
2. Mamedova, N. M. (2021). Transgression as a way of being social. In: *Personality in the conditions of global sociocultural transformations of the digital information society*. A collection of articles based on the results of the International Scientific Conference, Moscow, December 02, 2020 (pp. 7–10). Moscow: Rusains. (In Russian).
3. Barkovskaya, A. V. (2019). Paradigmatic status of ontology in the context of the “death of metaphysics”. In: *Philosophy and social sciences in the modern world*. Materials of the International scientific conference for the 30-th anniversary of the Faculty of Philosophy and Social Sciences of the Belarusian State University, Minsk, September 26–27, 2019 (pp. 144–150). Minsk: Belarusian State University. (In Russian).
4. Rozin, V. M. (2020). How one can think about social science, social reality and ontology. *Culture and Art, 1*, 17–26. (In Russian). <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2020.1.32042>
5. Latour, B. (2017). On actor-network theory. Some clarifications, supplemented by even greater complications. *Logos, 1*(1), 173–200. (In Russian).
6. Pavlov, A. V. (2019). Posthumanism: overcoming and legacy of postmodernism. *Questions of Philosophy, 5*(5), 27–36. (In Russian).
7. Pisarev, A. A. (2020). Networks, Planes, Matter: on the use of flat social ontologies. *Bulletin of Tver State University, Philosophy, 1* (51), 144–157. (In Russian).
8. Heidegger, M. (2003). *Being and time*. Kharkov: Folio. 503 p. (In Russian).
9. Heidegger, M. (1992). Zollikoner seminars. *Logos, 3*(3), 84. (In Russian).
10. Sartre, J.-P. (2015). *Being and nothingness: Experience of phenomenological ontology*. Moscow: AST. 199 p. (In Russian).

11. Sartre, J.-P. (1990). Existentialism is humanism. *Twilight of the Gods* (pp. 319–344). Moscow: Politizdat. (In Russian).
12. Arendt, H. (2000). *Vita active, or about active life*. St. Petersburg: Aletheia. 437 p. (In Russian).
13. Foucault, M. (2004). *Archeology of knowledge*. St. Petersburg: Humanitarian Academy; University book. 416 p. (In Russian).
14. Habermas, Yu. (2001). *Moral consciousness and communicative action*. St. Petersburg: Science. 392 p. (In Russian).
15. Luhmann, N. (2007). *Social systems. Essay on general theory*. St. Petersburg: Nauka. 643 p. (In Russian).
16. Arshinov, V. I., & Budanov, V. G. (2016). The paradigm of complexity and socio-humanitarian projections of convergent technologies. *Questions of Philosophy*, (1), 59–70. (In Russian).
17. Astakhov, S. S. (2017). The problem of contingency in actor-network theory: specialty 09.00.01 “Ontology and theory of knowledge”. *Dissertation of Candidate of Philosophical Sciences*. Moscow. 176 p. (In Russian).
18. Budanov, V. G., Arshinov, V. I., Lepsky, V. E., & Svirsky, Ya. I. (2018). *Complexity and the problem of the unity of knowledge, vol. 1*, iss. 1. Moscow: Russian Academy of Sciences. 105 p. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Мамедова Наталия Михайловна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия.

Mamedova Natalia Mikhailovna — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History and Philosophy, Plekhanov Russian University of Economic, Moscow, Russia.

mamedova.nm@rea.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7887-8724>